

Акмеизм и акмеисты

Акмеизм (от греч. акме – «высшая степень чего-либо, расцвет, вершина, острие») – течение русского модернизма, сформировавшееся в 1910-е годы и в своих поэтических установках отталкивающееся от своего учителя – русского символизма. Заоблачной двумирности символистов акмеисты противопоставили мир обыденных человеческих чувств, лишенных мистического содержания. По определению В.М. Жирмунского, акмеисты – «преодолевшие символизм». Название, которое выбрали себе акмеисты, должно было указывать на стремление к вершинам поэтического мастерства.

- Акмеисты, пришедшие на смену символистам, не имели детально разработанной философско-эстетической программы. Но если в поэзии символизма определяющим фактором являлась мимолетность, сиюминутность бытия, некая тайна, покрытая ореолом мистики, то в качестве краеугольного камня в поэзии акмеизма был положен реалистический взгляд на вещи. Туманная зыбкость и нечеткость символов заменялась точными словесными образами. Слово, по мнению акмеистов должно было приобрести свой изначальный смысл.
- Высшей точкой в иерархии ценностей для них была культура, тождественная общечеловеческой памяти. Поэтому столь часты у акмеистов обращения к мифологическим сюжетам и образам. Если символисты в своем творчестве ориентировались на музыку, то акмеисты — на пространственные искусства: архитектуру, скульптуру, живопись. Тяготение к трехмерному миру выразилось в увлечении акмеистов предметностью: красочная, порой экзотическая деталь могла использоваться с чисто живописной целью. То есть «преодоление» символизма происходило не столько в сфере общих идей, сколько в области поэтической стилистики. В этом смысле акмеизм был столь же концептуален, как и символизм, и в этом отношении они, несомненно, находятся в преемственной связи.

- Необходимо отметить родовую связь акмеизма с литературной группой «Цех поэтов». «Цех поэтов» был основан в октябре 1911 года в Петербурге в противовес символистам, и протест участников группы был направлен против магического, метафизического характера языка поэзии символистов. Возглавляли группу Н. Гумилев и С. Городецкий. В состав группы входили также А. Ахматова, Г. Адамович, К. Вагинов, М. Зенкевич, Г. Иванов, В. Лозинский, О. Мандельштам, В. Нарбут, И. Одоевцева, О. Оцуп, В. Рождественский. «Цех» издавал журнал «Гиперборей».
- Название кружка, образованное по образцу средневековых названий ремесленных объединений, указывало на отношение участников к поэзии как к чисто профессиональной сфере деятельности. «Цех» был школой формального мастерства, безразличного к особенностям мировоззрения участников. Поначалу они не отождествляли себя ни с одним из течений в литературе, да и не стремились к общей эстетической платформе.

- Главные идеи акмеизма были изложены в программных статьях Н. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии», опубликованных в журнале «Аполлон» (1913, № 1), издававшемся под редакцией С. Маковского. В первой из них говорилось: «На смену символизму идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова акме — высшая степень чего-либо, цветущая пора) или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом».

- С. Городецкий считал, что «символизм... заполнив мир „соответствиями“, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он... просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самоценность. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще».
- В 1913 г. была написана и статья Мандельштама «Утро акмеизма», увидевшая свет лишь шесть лет спустя. Отсрочка в публикации не была случайной: акмеистические воззрения Мандельштама существенно расходились с декларациями Гумилева и Городецкого и не попали на страницы «Аполлона».

■ Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определенное, точное значение;
- предметность и четкость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к «подлинности» его чувств;
- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, «тоска по мировой культуре».

- Кофейник, сахарница, блюдца,
Пять чашек с узкою каймой
На голубом подносе жмутся,
И внятен их рассказ немой:
Сначала – тоненькою кистью
Искусный мастер руки,
Чтоб фон казался золотистой,
Чертил кармином завитки.
И щеки пухлые румянил,
Ресницы наводил слегка
Амуру, что стрелою ранил
Испуганного пастушка.
И вот уже омыты чашки
Горячей черною струей.
За кофею играет в шашки
Сановник важный и седой
Иль дама, улыбаясь тонко,
Жеманно потчует друзей.
Меж тем, как умная болонка
На задних лапках служит ей...

Николай Гумилев

■ ГУМИЛЕВ Николай Степанович (1886, Кронштадт - 1921, ок. Петрограда) - поэт. Сын морского врача. Переезжая вместе с отцом, учился в гимназиях Петербурга и Тифлиса. Увлёкся марксизмом и даже его пропагандировал. В 1903 поселился в Царском Селе. Гумилев, находясь под влиянием символизма, отошел от социалистических идеи и проникся отвращением к политике. Писавший стихи с 12-летнего возраста, Гумилев осознав себя поэтом, смысл жизни видел только в поэзии. В 1905 вышел первый сборник стихов Гумилева "Путь конкистадора". Учился Гумилев плохо, но в 1906 окончил гимназию и уехал в Париж: занимался в Сорбонне, изучал живопись и лит-ру, издавал рус. журн. "Сириус". В 1908 поступил на юридический ф-т Петербург, ун-та, а потом перешел на историко-филологический ф-т. В 1910 женился на А.Ахматовой.

В 1911 организовал "Цех поэтов", ставший началом литературной группы акмеистов (С. Городецкий, М. Кузмин и др.), ушедших от "туманностей" символистов к точному предметному значению слова. В 1913 совершил путешествие по Африке и привез для Музея антропологии и этнографии редкие экспонаты. В 1914 пошел добровольцем на фронт и был награжден двумя Георгиевскими крестами. В 1917 - 1918 находился в штабе русского экспедиционного корпуса в Париже. В 1918 вернулся в Россию и жил в Петрограде. Преподавал, участвовал в работе издательства "Всемирная литература". Издал несколько сборников стихов. Стихи Гумилева изысканны, декоративны, чувственно осязаемы и романтичны, они противопоставляли образ "сильной личности" тусклой действительности. В 1921 был арестован ЧК по сфабрикованному делу и расстрелян.

■ В поэзии Н. Гумилева акмеизм реализуется в тяге к открытию новых миров, экзотическим образам и сюжетам. Путь поэта в лирике Гумилева – путь воина, конквистадора, первооткрывателя. Муза, вдохновляющая стихотворца – Муза Дальних Странствий. Обновление поэтической образности, уважение к «явлению как таковому» осуществлялось в творчестве Гумилева посредством путешествий к неведомым, но вполне реальным землям. Путешествия в стихах Н. Гумилева несли впечатления от конкретных экспедиций поэта в Африку и, в то же время, перекликались с символическими странствиями в «мирах иных». Заоблачным мирам символистов Гумилев противопоставил первооткрытые им для русской поэзии континенты.

■ ЖИРАФ

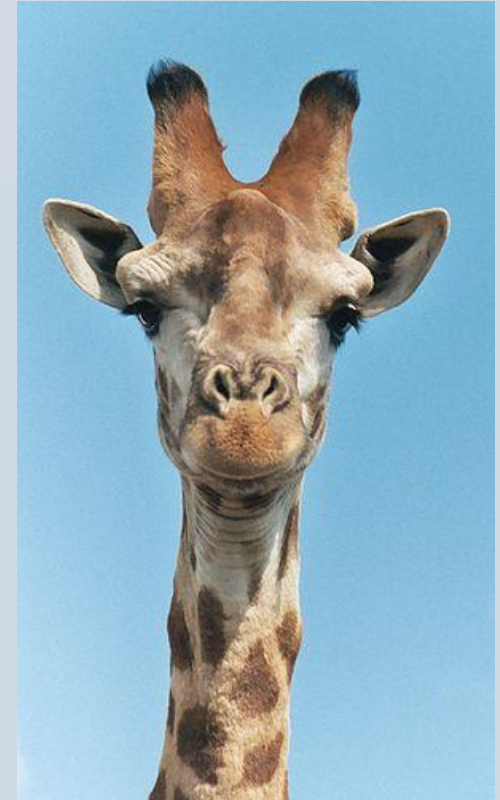
Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

- Николай Гумилёв с ранней юности придавал исключительное значение композиции произведения, его сюжетной завершенности. Поэт называл себя "мастером сказки", сочетая в своих стихотворениях ослепительно яркие, быстро меняющиеся картины с необыкновенной мелодичностью, музыкальностью повествования.
- Некая сказочность в стихотворении "Жираф" проявляется с первых строчек:
- Читатель переносится на самый экзотический континент - Африку. В человеческом воображении просто не укладывается возможность существования таких красот на Земле. Поэт предлагает читателю взглянуть на мир по-иному, понять, что "много чудесного видит земля", и человек при желании способен увидеть то же самое. Поэт предлагает нам очиститься от "тяжёлого тумана", который мы так долго вдыхали, и осознать, что мир огромен и что на Земле ещё остались райские уголки.
- Обращаясь к загадочной женщине, о которой мы можем судить лишь с позиции автора, лирический герой ведёт диалог с читателем, одним из слушателей его экзотической сказки. Женщина, погружённая в свои заботы, грустная, ни во что не хочет верить, - чем не читатель? Читая то или иное стихотворение, мы волей-неволей выражаем своё мнение по поводу произведения, в той или иной мере критикуем его, не всегда соглашаясь с мнением поэта, а порой и вовсе не понимаем его. Николай Гумилёв даёт читателю возможность наблюдать за диалогом поэта и читателя (слушателя его стихов) со стороны.
- Кольцевое обрамление характерно для любой сказки. Как правило, где действие началось, там оно и завершается. Однако в данном случае создаётся впечатление, что поэт может рассказывать об этом экзотическом континенте ещё и ещё, рисовать пышные, яркие картины солнечной страны, выявляя в её обитателях всё новые и новые, невиданные прежде черты. Кольцевое обрамление демонстрирует желание поэта снова и снова рассказать о "рае на Земле", чтобы заставить читателя взглянуть на мир по-иному.
- В своём сказочном стихотворении поэт сравнивает два пространства, далёкие в масштабе человеческого сознания и совсем близкие в масштабе Земли. Про то пространство, которое "здесь", поэт почти ничего не говорит, да это и не нужно. Здесь лишь "тяжёлый туман", который мы ежеминутно вдыхаем. В мире, где мы живём, остались лишь грусть да слёзы. Это наводит нас на мысль, что рай на Земле невозможен. Николай Гумилёв пытается доказать обратное: "...далеко, далеко, на озере Чад // Изысканный бродит жираф".

- Иной характер носил акмеизм А. Ахматовой (А.Горенко), лишенный тяготения к экзотическим сюжетам и пестрой образности. Своеобразие творческой манеры Ахматовой как поэта акмеистического направления составляет впечатление одухотворенной предметности. Посредством поразительной точности вещного мира Ахматова отображает целый душевный строй. В изящно обрисованных деталях Ахматова, по замечанию Мандельштама, давала «всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа 19 века». На поэзию А. Ахматовой громадное воздействие оказало творчество Ин. Анненского, которого Ахматова считала «предвестьем, предзнаменованьем, того, что с нами позже совершилось». Вещественная плотность мира, психологический символизм, ассоциативность поэзии Анненского во многом были наследованы Ахматовой.

■ ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала - их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: "Со мною умри!"

Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой".
Я ответила: "Милый, милый -
И я тоже. Умру с тобой!"

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

- «В этом двустишии – вся женщина»,
отзывалась об ахматовской *Песне
последней встречи* М.Цветаева

Осип Мандельштам

- Здешний мир О.Мандельштама был отмечен ощущением смертной хрупкости перед безликой вечностью. Акмеизм Мандельштама – «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия». Преодоление пустоты и небытия совершается в культуре, в вечных созданных искусства: стрела готической колокольни попрекает небо тем, что оно пусто. Среди акмеистов Мандельштама выделяло необыкновенно остро развитое чувство историзма. Вещь вписана в его поэзии в культурный контекст, в мир, согретый «тайным телеологическим теплом»: человек окружался не безличными предметами, а «утварью», все упомянутые предметы обретали библейский подтекст. Вместе с тем Мандельштаму претило злоупотребление сакральной лексикой, «инфляция священных слов» у символистов.

■ ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья,
положил.

Он понял масла густоту -
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловойй
Свисток иль хлыст, как
спичка, тухнет,-
Ты скажешь: повара на
кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.

- От акмеизма Гумилева, Ахматовой и Мандельштама существенно отличался адамизм С.Городецкого, М.Зенкевича, В.Нарбута, которые составили натуралистическое крыло движения. Полнее всего адамистическое мироощущение выразилось в творчестве С.Городецкого. Роман Городецкого *Адам* описывал жизнь героя и героини – «двух умных зверей» – в земном раю. Городецкий пытался восстановить в поэзии языческое, полуживотное мироощущение наших пращуров: многие его стихи имели форму заклинаний, причитаний, содержали всплески эмоциональной образности, извлеченные из далекого прошлого сцены быта. Наивный адамизм Городецкого, его попытки вернуть человека в косматые объятия природы не могли не вызывать иронии у искушенных и хорошо изучивших душу современника модернистов. Блок в предисловии к поэме *Возмездие* отмечал, что лозунгом Городецкого и адамистов «был человек, но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то первозданный Адам».

■ **Береза**

Я полюбил тебя в
янтарный день,

Когда, лазурью
светозарной

Рожденная, сочилась
лень

Из каждой ветки
благодарной.

Белело тело, белое, как
хмель

Кипучих волн озерных.

Тянул, смеясь, веселый
Лель

Лучи волосьев черных.

И сам Ярила пышно
увенчал

Их сеть листвою
заостренной,

И, улыбаясь, разметал

В лазури неба цвет
зеленый.

